Митрополит Иларион: История Страстей Христовых повторяется вновь и вновь в опыте миллионов людей

27 апреля 2013 года гостем телепередачи «Церковь и мир» на телеканале «Россия-24», которую ведет председатель ОВЦС митрополит Волоколамский Иларион, стала известная российская поэтесса и переводчица Ольга Седакова.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Она выходит в преддверии Страстной седмицы, и сегодня мы поговорим об этом времени церковного года с поэтом, прозаиком и переводчиком Ольгой Седаковой. Здравствуйте, Ольга Александровна!

О.А. Седакова: Здравствуйте, владыка! Церковная поэзия Страстной недели включает в себя великие гимны. И перед светским поэтом, если он знает эти гимны (а все классические русские поэты их знали), стоит очень трудная задача, потому что у светского искусства свой язык. Образцы страстных песнопений задают очень трудную задачу. В русской поэзии – возьмем ли мы XIX столетие, допустим Пушкина, его «Мирскую власть» – или XX век: Блока, Пастернака, Маяковского, Ахматову – всюду увидим цитаты из богослужебных гимнов. Уживаются они по-разному. Поэт иногда выдерживает этот строй, иногда цитаты звучат как самые сильные мысли, а все остальное – иллюстративный фон.

Митрополит Иларион: Мы с Вами чуть позже вернемся к русской поэзии. Сначала я бы хотел пояснить нашим телезрителям, что такое Страстная седмица. Это время, когда мы вспоминаем последние дни земной жизни Иисуса Христа. Причем в богослужении воскресают все образы и эпизоды из евангельского рассказа о последних днях земной жизни Спасителя. Православное богослужение, как Вы правильно сказали, всё наполнено поэзией. Но она отличается от поэзии в нашем современном понимании: это византийские гимны, переведенные на церковнославянский язык. При переводе они утратили поэтический ритм, но сохранили всю поэтику образов. Богослужебные тексты – это не какие-то сухие богословские комментарии, а именно поэтическое осмысление всей евангельской истории и, в случае со Страстной седмицей, истории Страстей Христовых. В частности, многие тексты построены в диалоговой форме. Например, это диалог верующего с Иудой, когда первый спрашивает: «Кий тя образ, Иуда, предателя Спасу содела?», то есть каким образом ты, Иуда, сделался предателем Спасителя: неужели Он тебя обидел,

неужели не дал того, что дал другим ученикам.ю и так далее. Эти поэтические способы воспроизведения евангельской истории позволяют нам прожить эту историю совершенно по-иному, чем если бы мы просто читали достаточно лаконичный евангельский рассказ.

О.А. Седакова: Владыка, а какое место занимает Лазарева суббота по отношению к Страстной? Это вход в Страстную седмицу?

Митрополит Иларион: Конечно, это вход в Страстную седмицу. Это предвестие Воскресения Христова. Неслучайно чудо воскрешения Лазаря было совершено перед тем, как Господь пошел на страдания. Чтобы уверить людей в истинности Своего воскресения, Христос воскресил Своего друга Лазаря.

О.А. Седакова: Говоря о русских поэтах, писавших о Страстной, мне бы хотелось сосредоточиться на Пастернаке, на его поздних стихах, которые он передал своему герою. Они называются «Стихи Юрия Живаго» и связаны со всем сюжетом романа «Доктор Живаго». И на самом деле, они открывают смысл этого сюжета. Это смысловая сумма того, что происходит в книге. Сердцевиной цикла являются несколько страстн***ы***х стихотворений, которые составляют внутренний цикл. Там есть и другие евангельские темы – Рождество, Преображение, но все-таки сердцевина – это Страстная седмица и, в особенности, – Гефсиманское борение. Цикл начинается со стихотворения «Гамлет». Но Гамлет здесь понят как образ Христа. Герой Пастернака говорит:

Я люблю твой замысел упрямый
и играть согласен эту роль.
Но сейчас идет иная драма,
и на этот раз меня уволь.

Но это ведь Гефсиманское моление. А последнее стихотворение всего этого цикла так и называется - «Гефсиманский сад», и оно заканчивается торжественным обещанием:

И, как сплавляют по реке плоты,
ко Мне на суд, как баржи каравана,
столетья поплывут из темноты.

Это накануне страстей, но в предвидении всеобщего торжества.

Митрополит Иларион: В цикле стихов о Страстной Пастернак использует не только образ Христа в Гефсиманском саду, но и образ крестного хода, который выходит из храма в Великую

пятницу…

О.А. Седакова: Это одно из лучших классических русских стихотворений, которое называется «На Страстной». Здесь Пастернак осуществляет свою мысль о том, что искусство непосредственно связано с повседневной жизнью, и поэтому евангельские события он передает через литургические действа, которые смешиваются с жизнью не только города, но и природы.

И лес раздет и непокрыт,
и на Страстях Христовых,
как строй молящихся, стоит
толпой стволов сосновых.

Можно сказать, что этот стиль близок к экспрессионизму, но Пастернак говорит, на самом деле, совсем не экспрессионистские вещи. Он хотел, чтобы все происходило на открытом воздухе. Это не иконное пространство, а пространство простого, живого, «здешнего» воздуха. И в этом пространстве он произносит одну из важнейших богословских мыслей:

Как будто вышел Человек,
и вынес, и открыл ковчег,
и все до нитки роздал.

Это его мысль о Христе. Это мысль о том, кто следует за Христом, в первую очередь, о художнике, потому что главный его герой – это художник. Кто такой художник? Этот тот, кто все до нитки роздал.

Митрополит Иларион: Я хотел бы поделиться с Вами одним воспоминанием, которое всегда у меня возникает, когда я читаю стихотворение Пастернака «На Страстной». Мне было 18 лет. Я служил в военном оркестре, наша часть располагалась в московском районе Медведково. В Великую пятницу я пришел в храм Покрова Пресвятой Богородицы в том же Медведкове. И был тот самый крестный ход, о котором писал поэт. Я участвовал в нем, надев поверх военной формы стихарь. Представьте себе, когда мы вышли на улицу, небо вдруг потемнело, налетел страшный ветер, и весь крестный ход прошел в состоянии глубокого внутреннего переживания, какого-то внутреннего ужаса. Мне показалось, что это было природное знамение, которое очень соответствовало духу этой страстной службы. Каким контрастным показался потом, спустя два дня, пасхальный крестный ход, когда вся природа ликовала и у всех было совершенно другое настроение!

Православное богослужение охватывает не только внутреннее пространство храма, но иногда

вырывается наружу. И пасхальный, и страстной крестный ход имеют, с одной стороны, миссионерское значение – мы выходим на улицу, чтобы засвидетельствовать свою веру. Особенно, конечно, это относится к пасхальному крестному ходу, совершая который, мы свидетельствуем миру о воскресении Христа. С другой стороны, происходит именно то, что так тонко увидел Пастернак, – участие природы, всего окружающего мира в истории Страстей Христовых и в истории Его Воскресения.

Неслучайно в литургической поэзии Православной Церкви, которую Вы, будучи автором словаря трудных церковно-славянских терминов, хорошо знаете, тема весны, духовного воскресения играет не последнюю роль. Сам Христос именуется весной. В одном из песнопений Великой Субботы Божия Матерь обращается к умершему Христу словами: «Весна моя, радость моя». Это удивительное сочетание природы, жизни человека и переживания Страстей Христовых.

О. Седакова: Мы говорили о том, что светская поэзия чутка к космической стороне литургической жизни, но она чутка и к стороне исторической, потому что, если мы слушаем только литургические тексты, то замечаем, что они живут как бы в своем собственном пространстве, не будучи напрямую связаны с тем, что происходит. Когда светское искусство обращается к этим сюжетам, оно всегда связано с тем, что происходит в этот момент, – поэтому мы в этом очень глубоком пастернаковском переживании Гефсиманской молитвы чувствуем, какой исторический момент на дворе, чего ждет рассказчик. Он тоже должен решиться на гибель. А эпизоды распятия у Ахматовой – люди читали их, связывая это с гибелью друзей и знакомых.

Митрополит Иларион: История Страстей Христовых – это не просто история, которая когда-то произошла с одним человеком. Это история повторяется вновь и вновь в опыте миллионов людей. Советское время, когда жили и Пастернак, и Ахматова, было временем великой Голгофы, когда тысячи людей восходили на плаху, в том числе просто за то, что они были верующими, за то, что они хотели жить церковной жизнью. Что еще могло поддержать и укрепить человека в такой ситуации, если не вера во Христа и сознание того, что не просто человек, а Сам Бог прошел через этот опыт страданий? Я думаю, в этой поэзии – уже не серебряного века, а эпохи гонений – преломился и опыт самих поэтов, и опыт нашей страны, то есть опыт Голгофы. Для нашей страны этот опыт закончился воскресением, свидетелями и участниками которого мы являемся, и в своих стихах Вы это очень тонко и глубоко показываете.

О. Седакова: Спасибо. Я помню, как еще в школьные годы читала ахматовский «Реквием», напечатанный на тонкой бумаге, как тогда обычно бывало самиздатскими текстами. Помню, как увидела там знакомые и вне этого контекста слова:

Хор ангелов великий час восславил,

и небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто меня оставил?»
А Матери: «О, не рыдай Мене…».

Это стало живым словом настоящего. «Не рыдай Мене…» - это просто цитата из литургической поэзии.

Митрополит Иларион: Могу ли я Вас попросить прочитать Ваши стихи, посвященные этой теме?

О. Седакова: Я прочту как раз о Лазаре. «Вокрешение Лазаря»:

Немощная,
совершенно немощная,
как ничто,
которого не касались творящие руки,
руки надежды,
на чей магнит
поднимается росток из чёрной пашни,
поднимается четверодневный Лазарь,перевязанный по рукам и ногам,
в своем суда́ре загробном,
в сударе мертвее смерти:
ничто,
совершенное ничто,
душа моя! молчи,
пока тебя это не коснулось.

Митрополит Иларион: Спасибо, Ольга Александровна, за Ваши стихи, за то, что Вы пришли на нашу передачу. Я хотел бы и Вам, и себе, и всем нашим телезрителям пожелать, чтобы мы пережили Страстную седмицу так, как это необходимо для того, чтобы наша жизнь изменилась к лучшему. Я жду Страстной седмицы целый год, потому что это необыкновенное время. Это время, когда мы можем, придя в храм, услышать, казалось бы, знакомые истории, песнопения, но каждый раз все это по-новому ложится на наше сердце, на нашу душу. Каждая Страстная седмица по-новому открывает нам и Бога, Который пришел, чтобы прожить нашу человеческую жизнь и умереть вместе с нами для того, чтобы нас воскресить.

Страстная седмица открывает нам и нашу собственную жизнь, и ее смысл. Каждый раз дает по-новому взглянуть на все, что нас окружает. Те стихи, которые Вы привели, стихи Пастернака, в частности, показывают, что сердце человека, которое открыто навстречу Богу, навстречу

переживаниям Страстной седмицы, воспринимает окружающий мир совершенно по-другому - не в прозаическом, а именно в поэтическом ключе.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/52782/